

А. М. ЩЕРБАК

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ
В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ¹

1

Понятие грамматической формы для тюркских языков несколько отличается от традиционных представлений о грамматической форме и, как правило, ставится в связь с понятием агглютинации — особого приема морфологического конструирования слова.

Сущность агглютинации и ее своеобразие по сравнению с грамматическими приемами флективных языков не всегда рассматриваются в одном и том же плане. Поэтому единое, четко установленное и общепризнанное определение агглютинации отсутствует. Отсутствует также и четкое определение различий между флексией и агглютинативным показателем — прилепой.

Не считая целесообразным излагать различные точки зрения², отметим, что, несмотря на отсутствие единого определения агглютинации, существует довольно широкая основа для сближения по данному вопросу почти всех языковедов. Эту основу создает признание полного или относительного соответствия в агглютинативных языках количества грамматических показателей количеству грамматических значений.

Соответствие, о котором здесь идет речь, каким бы оно ни было в смысле регулярности, придает лексической структуре слова видимость синтаксического сочетания, с четко разграниченными местом, функцией и значением каждого члена. Так, например, в слове *ташларымдагылар* (татарск.) «находящиеся на моих камнях» можно выделить основу *таш* «камень», *-лар* — показатель множественного числа, *-ым* — показатель притяжательности 1-го лица ед. числа, *-да* — показатель местно-временного падежа, *-гы* — словообразовательный аффикс прилагательных, *-лар* — снова показатель множественного числа; в слове *йиштирадиганлардай* (узб.) «как те, которые заставляют [кого-то] плакать» можно выделить: *йиш* «плач» (ср. *йиши-сиши*), *-ла* — словообразовательный аффикс глагола, *-тир* — показатель взаимно-совместного «залога», *-лар* — показатель по-

¹ В статье рассматриваются агглютинация и так называемая «флексия основ», в частности, их роль и соотношение в морфологической структуре тюркских языков.

² По этому вопросу см.: О. Бетлинг, О языке якутов. Опыт исследования отдельного языка в связи с современным состоянием всеобщего языкознания, «Уч. зап. Имп. Акад. наук по Первому и Третьему отд-ниям», т. I, вып. 4, СПб., 1853, стр. 377—411; W. Radloff, Einleitende Gedanken zur Darstellung der Morphologie der Türkischen Sprachen, «Зап. Имп. Акад. наук», VIII серия по Ист.-филол. отд-нию, т. VII, № 7, СПб., 1906, стр. 1 и сл.; А. К. Боровков, Агглютинация и флексия в тюркских языках, сб. «Памяти акад. Л. В. Щербы (1880—1944)», [Л.], 1951, стр. 117—125; А. А. Холодович, Из истории японской лингвистики. Агглютинативная теория и проблема родственных связей японского языка, ИАН ОЛЯ, 1941, № 1, стр. 94—98; е г о ж е, Очерки по строю японского языка. Автореф. докт. диссерт. [Л., 1949], стр. 2—4.

удительного «залога», *-а* — окончание «деепричастной» формы настоящего времени, *-диган* — показатель причастия настоящего времени, *-мар* — показатель множественного числа, *-дай* — показатель удобствения.

Различие флективных и агглютинативных форм в структурном отношении, а их показателей — в семантико-функциональном отношении послужило основанием для утверждения о том, что способы выражения грамматического значения в флективных и агглютинативных языках различны¹. Раздельность агглютинативных показателей и кажущаяся близость лексической структуры слова в агглютинативных языках к синтаксическим сочетаниям были восприняты и истолкованы некоторыми исследователями как способ выражения грамматического значения самостоятельными словами или даже как отсутствие грамматической формы слова вообще (Г. Штейнталь). Однако еще О. Бетлинг на довольно большом количестве примеров показал несостоятельность этой точки зрения и отметил, что различие между формообразованием в индоевропейских языках, с одной стороны, и в тюркских, с другой, заключается главным образом в степени древности формообразовательных процессов².

Указывая на ошибку тех исследователей, которые придерживаются мнения, что в агглютинативных языках только в отдельных случаях грамматическое значение выражается не самостоятельными словами, и О. Бетлинг, и другие лингвисты прошлого столетия тем не менее единодушно признают источником развития агглютинативного показателя (прилесь) самостоятельное слово³. Мысль о развитии агглютинативных показателей из самостоятельных слов не вызывает никаких сомнений вплоть до настоящего времени.

Возникновение нового грамматического значения, а также появление новой грамматической формы слова тесно связываются с выделением в лексическом составе языка отдельных слов, обладающих высокой степенью обобщенности семантики, и с образованием различных сочетаний, представляющих собой изолированные, замкнутые системы, и, прежде всего, таких сочетаний, в которых в качестве подчиненного члена выступает служебное слово: вспомогательный глагол, послелог и т. д.⁴

¹ Так, например, Фр. Шлегель выделяет два способа выражения грамматических значений: органический (под которым он понимает внутреннее изменение звуков корня) и механический (изменение путем наращивания, присоединения к основе приклеиваемых частей). См. Fr. Schlegel, Ueber die Sprache und Weisheit der Indier, Heidelberg, 1808, стр. 41—42.

² См. О. Бетлинг, указ. соч., стр. 409—410.

³ См.: О. Бетлинг, указ. соч., стр. 380; Б. Дельбрюк. Введение в изучение языка, в кн.: С. К. Булич, Очерк истории языкознания в России т. I (XIII в.— 1825 г.), СПб., 1904, стр. 88—116.

⁴ В числе сочетаний, имеющих все условия для превращения в грамматическую форму основного по своей семантике слова, иногда называют разного рода устойчивые сочетания, как-то: определительные (composita determinativa), например, узб. *эркак қўй* «баран» (*эркак* «мужчина, самец», *қўй* «овца»), *урғочи арслон* «львица» (*урғочи* «самка», *арслон* «лев»); слова-дублеты (mots échos). ср. *аҳсақ-буҳсақ* «всякие хромые» (МК, I, 465), башк. *қоҙ-маҙ* «всякие гуси», *сәй-мәй* «чай» и все относящиеся к чаепитию»; редуциративные формы, например, узб. *қоп-қора* «совершенно черный», *қил-қизил* «совершенно красный»; лексический инклюзив (composita copulativa), например, башк. *ағай-ме* «братья» (*ағай* «старший брат», *ме* «младший брат»), *аяк-куя* «кованности» (*аяк* «нога», *куя* «рука»), *алтын-көмөш* «драгоценности» (*алтын* «золото», *көмөш* «серебро»), узб. *ота она* «родители» (*ота* «отец», *она* «мать»); парные слова синонимического типа (synonym-composita), ср. др.-тюрк. *сәғит мунақ* «печаль» (КВ, 19), башк. *дус-иш* «друзья», *куй-җарык* «овцы» и т. д.

В статье приняты следующие сокращения:

МК (I—III) — [M a h m u d K a ş g a r I], «Divanü lûgat-it-türk» «tercümesi»; çeviren B. Atalay, cilt I—III, Ankara, 1939—1941;

Примером развития грамматического показателя (прилепы) из служебного слова могут служить турецкий комитатив на -*ла*, -*lä* (после согласных), восходящий к послелогу *ilä*¹; чувашский суфин на -*машкән*, -*мешкән* (ср. диал. -*макшән*, -*мекшән*), образовавшийся путем присоединения к тюркскому инфинитиву на -*мак*, -*мөк* послелога *öçön* в соответствующей чувашской фонетической форме²; глагольная форма настоящего времени данного момента в диалектах узбекского языка (ср. ташк. *барватман* «я иду сейчас», *кэләтман* «я прихожу сейчас»; наманг. *баруттимән*, *кэлүттимән*; андж. *бар(а)жанман*, *кэл(ә)жанман*; самарк. *борпомән*, *кэлөпмән*), в составе показателя которой нетрудно обнаружить вспомогательный глагол *jat*[*йбман*] (1-е лицо ед. числа настоящего результативного от *jat*- «лежать»), и т. д.

В качестве примеров образования форманта путем слияния знаменательного или служебного слова, попавшего в сферу действия формообразования, с ранее существовавшим морфологическим показателем, приведем аффикс -*даш*, -*дәш*, который в составе имен выражает во всех тюркских языках значение совместности, сопутствия [ср. МК, I, 407: *карин-даш* «родственник», «брат» (*карин* «чрево, живот»), *эмкдәш* «молочный брат» (*эмк* «сосок»)] и в котором этимологически выделяют -*да*, -*дә* — аффикс местного падежа и *аш* «товарищ, спутник»³; форму прошедшего результативного из южно-хорезмского диалекта узбекского языка [ср. *барпадә* < *барпн* *әди* «шел (уже)», *ә'әвәди* < *ә'әлпн* *әди* «пришел (уже)»] и др.

Разбор приведенных выше примеров показывает, что при образовании показателя грамматической формы из служебных и в конечном итоге из самостоятельных слов происходят разные структурные изменения, направленные к тому, чтобы затемнить этимологические связи и устранить семантические основы конкретности и индивидуальности служебных морфем. Особое значение в этом процессе превращения знаменательных и полужнаменательных слов в показатели грамматического значения приобретает гармония гласных. Так, например, послелог *ile* в турецком языке обычно не подчиняется закону сингармонии гласных; в случае же, когда слово, к которому относится этот послелог, оканчивается на согласный, *ile* превращается в *le* и присоединяется к данному слову, в таком виде уже изменяясь согласно законам гармонии⁴. Дополнительным фактором, стимулирующим изменение служебных слов или форм, образованных из самостоятельных слов, является структурная аналогия (изосиллабизм); ср. в узбекском языке: по аналогии с *барарман*, *барамән*, *барпн-ман* (т. е. с формами будущего времени, настояще-будущего и настояще-

KB — „Das Kudatku Bilik des Jusuf Chass-Hadschib aus Bälasagun“, Theil II—Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo, hrsg. von Dr. W. Radloff, St.-Petersburg, 1910;

Tiś. — Tiśastvustik. Ein in türkischer Sprache bearb. buddhistisches Sūtra, I — Transcription und Übersetzung von W. Radloff. („Bibliotheca Buddhica, XII“), St.-Petersbourg, 1910;

«Сирадж ул-кулуб» — фотокопия уйгурской рукописи, хранящаяся в библиотеке Института языковедения в Ленинграде;

USp. — W. Radloff, Uigurische Sprachdenkmäler. Materialien nach dem Tode des Verfassers mit Ergänzungen von S. Malov hrsg., Leningrad, 1928.

Арабские цифры обозначают страницы.

¹ См. J. Deny, Grammaire de la langue turque. (Dialecte osmanli), Paris, 1921, стр. 585.

² См. В. Г. Егоров, Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении, ч. I, Чебоксары, 1954, стр. 42.

³ Изложение гипотез относительно образования этого аффикса см.: Н. Остроумов, Этимология сартовского языка, Ташкент, 1910, стр. 49; J. Németh, A Turkish word in Curtius Rufus?, «Hirth anniversary volume», London, 1923, стр. 276; W. Radloff, указ. соч., стр. 31.

⁴ См. J. Deny, указ. соч., стр. 585.

го результативного) возникло *bârjañmân* < *bârajañmân* < *bâra-jatïbmân* (форма настоящего времени данного момента). Действие структурной аналогии в тюркских языках можно наблюдать также на истории развития уподобительных форм. В западных языках форма уподобления образуется при помощи аффиксов *-lai*, *-läi* и *-dai*, *-däi*. В языках восточно-туркестанской группы им соответствует аффикс *-dağ*, *-däg*. Однако в древнем восточно-туркестанском языке известна также форма уподобления на *-laju*, *-läjü*; см.: *adïğlaju jürür kişigä* «словно медведь идет на человека» (КВ, 64); *kälñizläjü aktimiz* «мы мчались подобно бурным ручьям» (МК, I, 343); *ulñiñb äran börläju* «завыли люди словно волки» (МК, I, 189). Этимология данного показателя уподобления совершенно прозрачна: аффикс *-la* является средством отыменного образования глагола, аффикс *-ju* — призна дееспричастия. Совокупность этих двух морфологических наращений и дала аффикс *-laju*, так что первоначально, например, *adïğlaju* имело значение «омедвеживаясь». Однако, став в один ряд с другими способами выражения сравнительной характеристики факта, указанное сложное морфологическое образование проявляет тенденцию к чисто формальным изменениям, стимулом для которых служит структурная аналогия (ср. аффиксы уподобления *-dağ*, *-däg*, *-dai*, *-däi* и *-ciğ*, *-ciğ*).

Структурная аналогия, таким образом, усиливает типизацию зависимых морфем. Приведенные выше материалы показывают, что процесс развития структуры изолированного сочетания в тюркских языках, в ходе которого зависимый член изменяется и превращается в морфему, характеризуется наличием по крайней мере двух моментов: во-первых, тенденции к усложнению господствующего в семантическом отношении слова (корня) при относительном постоянстве его; во-вторых, увеличения до максимума способности зависимого члена, превратившегося в морфему, к структурным изменениям, которые в конце концов ведут к сокращению морфемы до одного слога или одного звука¹. Из сказанного следует, что образование агглютинативного показателя (прилепы) со всеми структурными изменениями его является следствием изоляции слова и вовлечения его в семантико-синтаксическую структуру того или иного разряда слов. В этой связи приобретает особый смысл замечание А. А. Потебни о том, что «фонетическая порча разрушает только то, что ей позволяют разрушать»².

2

Языковеды, занимающиеся изучением языков агглютинативного типа и, в частности, языков алтайской семьи, указывают на наличие в этих языках, помимо агглютинативного способа выражения грамматического значения, еще и способа, именуемого «флексией основ», «внутренней флексией» или «фонетическим способом образования слов»³. В этом случае

¹ Говоря о развитии моносиллабизма в морфеме, мы не расцениваем его как явление, присущее только морфологической части слова. В истории тюркских языков известно немало примеров, когда основы, состоящие из нескольких слогов, постепенно превращались в односложные. Именно это обстоятельство дало основание А. К. Боровкову заявить, что в тюркских языках «о неизменности основы можно говорить только в смысле тенденции к сохранению корневого вокализма» (А. К. Б о р о в к о в, указ. соч., стр. 121).

² А. П о т е б н я, Из записок по русской грамматике, т. I, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 47.

³ Впервые изменения гласных в основе были отмечены В. Шоттом (см. W. S c h o t t, Über das Altai'sche oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht, Berlin, 1849, стр. 45, 46) и И. Грунцелем (см. J. G r u n z e l, Entwurf einer vergl. Grammatik der Altai'schen Sprachen nebst einem vergl. Wörterbuch, Leipzig, 1895, стр. 21, 22).

они имеют в виду чередования типа эвенк. *ати́ркэ́н* «старуха»//*эти́ркэ́н* «старик», *ати́к* «свекровь», «теща»//*эти́к* «свекор», «тесть», *акин* «старший брат», «младший брат отца, матери»//*экин* «старшая сестра», «младшая сестра отца, матери»¹; ма́ньчж. *хаха* «мужчина»//*хэхэ* «женщина», *амила* «самец»//*эмилэ* «самка», *ама* «отец»//*эмэ* «мать», *арсалань* «лев»//*эрсэлянэ* «львица»² халх.-монг. *алджи* «дядя»//*ээджи* «бабушка», монг.-письм. *авай* «отец, батюшка»//*еbei* «магушка», *аха* «старший брат, старший вообще»//*еке* «мать, старшая вообще»³.

Явление «флексии основ» или «внутренней флексии» отмечается как средство обозначения «рода» (точнее сказать пола)⁴ и других грамматических значений, а также как средство изменения социальной, лексической и стилистической окраски слова.

В современных тюркских языках случаи так называемой внутренней флексии немногочисленны, тем не менее они примечательны и в совокупности составляют особую группу. Примеры: башк. *кайна* «свекор», «тесть»//*кэйнэ* «теща», *бысыу* «пилить, рубить»//*бесеҫ* «кроить, резать», *сукуу* «клевать»//*сүкеҫ* «клепать, ковать», *һыпырыу* «гладить»//*һенереҫ* «мести, подметать», *һылтау* «сваливать»//*һелтәү* «махать, махнуть», *колон* «жеребенок»//*көлөкэй* «жеребеночек», *бызуу* «теленок»//*безәҫкэй* «теленочек»⁵; татарск. *ачы* «горький»//*әче* «кислый»⁶, *ана* «мать»//*әни* «мама» (даскат.), *ата* «отец»//*әти* «папа»; узб. *ақа* «старший брат», *уқа* «младший брат»//*ақә* «старшая сестра» (МК, I, 86, 90). В ряде случаев явление «внутренней флексии» сочетается с приемами повторения основы и существует только в связи с этими приемами; ср. башк. *тимер-тумыр* «всякое железо»⁷, *јәш јүш* = *јәш мәш* «всякая зелень» (МК, III, 4), *јәшил јүшјәл* = *јәшил мәшил* «всякое зеленое» (МК, III, 19).

Говоря о происхождении указанных пар слов, необходимо разграничивать примеры типа *ата*//*әти* (татарск.) и *тимер-тумыр* (башк.). В последних (как и в дублетных сочетаниях вообще) имеет место произвольное изменение слова, часто без связи с существующими в языке типами сингармонических противопоставлений.

Различение же случаев типа *ата* и *әти* лежит исключительно в плоскости палатально-велярной гармонии гласных⁸, явления, заключающегося

¹ В. И. Ц и н ц и у с, Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков, Л., 1949, стр. 44.

² И. Захаров, Грамматика маньчжурского языка, СПб., 1879, стр. 65, 118.

³ См.: Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Введение и фонетика, Л., 1929, стр. 130; Т. А. Бертагаев, Флексия основ в агглютинативных языках, «Сб. трудов по филологии», вып. I, Улан-Удэ, 1948, стр. 99.

⁴ Б. Я. Владимиров указывает: «К заднему гуттуральному ряду монголы относили и отчасти относят теперь все сильное, большое, мужское, а к переднему — палатальному все слабое, малое, женское, так же, как и относящиеся к этим двум родам действия» («Сравнительная грамматика...», стр. 133—134; см. также стр. 127, 130); см. его же, Следы грамматического рода в монгольском языке, «Докл. Росс. Акад. наук», Серия В, Л., 1925, апрель—июнь, стр. 34.

⁵ Д. Г. К и е к б а е в, Вариантные слова, или сингармонические параллелизмы, в башкирском языке, «Уч. зап. Башк. гос. пед. ин-та», вып. V, Серия филологическая, № 1, Уфа, 1955, стр. 145, 146.

⁶ Л. З. З а л я й, Основы татарской орфоэпии, «Изв. АПН РСФСР», вып. 40, М., 1952, стр. 95.

⁷ Н. К. Д м и т р и е в, Грамматика башкирского языка, М.—Л., 1948, стр. 77.

⁸ В новейших исследованиях под влиянием работ Н. С. Трубецкого (см. N. S. T r u b e t z k o u, Grundzüge der Phonologie, «Travaux du Cercle linguistique de Prague», 7, 1939, стр. 251) в понятия «гармония гласных» и «сингармонизм» вкладывается разное содержание.

В том, что каждое слово характеризуется наличием только передних или только задних звуков, а вокализм присоединяемых аффиксов всецело зависит от вокализма основ. Гармония гласных не исчерпывается уподоблением твердых гласных твердым и мягких гласных мягким¹, однако следует отметить, что все другие виды гармонии гласных играют в тюркских языках второстепенную роль по сравнению с палатально-велярной гармонией.

То обстоятельство, что различие форм типа *ата* и *эти* лежит в плоскости палатально-велярной гармонии гласных, обычно вызывает повышенный интерес к природе этого последнего явления и способствует распространению среди некоторых алтаистов той точки зрения, что будто бы наличие в алтайских языках сингармонических параллелизмов, имеющих разные значения, является пережитком эпохи, когда гармония гласных выступала как «лексико-фонологическая система», т. е. «своеобразная и специфическая внутренняя флексия основ»². Считая сингармонизм наиболее ранним и примитивным способом выражения грамматического значения, Г. Д. Санжеев противопоставляет его агглютинации как способу наиболее позднему и совершенному³.

Развивая эту точку зрения, Г. Д. Санжеев ссылается на труды выдающегося русского алтаиста акад. Б. Я. Владимирцова и, в частности, на его высказывание о том, что в халхаском языке «такие параллели, как *axxá* «старший, старший брат»//*exxé* «старшая, мать», сохранились от праязыкового состояния, когда при помощи сингармонизма монгольский язык производил различие по родам»⁴. Следует отметить, однако, что под праязыковым состоянием Б. Я. Владимирцов понимает только монгольский праязык; кроме того, здесь же и в следующих параграфах он указывает на «социальную причину» подобного использования сингармонических параллелизмов в монгольском языке (ср. разделение звуков на «мужские» и «женские») ⁵. Г. Д. Санжеев ссылается также на работы Т. А. Бертагаева. В самом деле, Т. А. Бертагаев в своей статье «Флексия основ в агглютинативных языках» говорит о флексии основ в монгольских и тюркских языках и приводит значительное число примеров дифференциации звуков по признакам рода»⁶. Однако в этой же самой статье Т. А. Бертагаева имеется специальный раздел, посвященный неустойчивости фонетической нормы монгольских языков и, в частности, вокализма не первых слогов. И хотя в одном месте Т. А. Бертагаев говорит об «изменении фонем в зависимости от значимости слов», все-таки дальше он признает, что семантическая филиация предполагает в качестве одного из условий образования новых слов вариантность звучания⁷.

Оставляя в стороне большой и сложный вопрос о гармонии гласных вообще, отметим, что рассмотрение таких соотношений, как татарск. *ата* «отец»//*эти* «папа», в связи с использованием в алтайском праязыке гар-

¹ Подробное изложение разных точек зрения по вопросу о гармонии гласных см. у И. Грунцеля (J. Grunzel, Die Vocalharmonie der altaischen Sprachen, «Sitzungsberichte der phil.-hist. Cl. der Kaiserl. Akad. der Wissenschaften», Bd. 117, Jg. 1888, III. Abhandl., Wien, 1889, стр. 1—42) и И. Крамского (J. Kramsky, Über den Ursprung und die Funktion der Vokalharmonie in den ural-altäischen Sprachen, «Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft», Bd. 106, Heft 1, N. F.—Bd. 31, Wiesbaden, 1956, стр. 117—134).

² См. Г. Д. Санжеев, Сравнительная грамматика монгольских языков, т. I, М., 1953, стр. 116.

³ См. там же, стр. 118.

⁴ Б. Я. Владимирцов, Сравнительная грамматика..., стр. 133.

⁵ См. там же, стр. 133, 134.

⁶ Т. А. Бертагаев, указ. соч., стр. 98 и сл.

⁷ См. там же, стр. 99 и 114.

монии гласных в качестве приема словообразования вряд ли можно считать достаточно обоснованным.

Важно отметить, что при наличии гармонии гласных в тюркских языках существует большое количество слов, выступающих в двух сингармонических вариациях — твердой и мягкой, но передающих одно и то же значение (И. Балашпа называет такие слова «сингармоническими параллелизмами», Д. Г. Киекбаев — «вариантными словами»). Подобные слова встречаются как внутри языка и его диалектов (ср. башк. *асы* и *әсе* «горький, кислый», *аз* и *әз* «мало», *акрын* и *әкрән* «тихий», *һалмак* и *һәлмәк* «увесистый», *йалбырау* и *ялберәү* «торчат», *йан* и *ян* «душа»¹; казахск. *чай* и *чәй* «чай», *тыйын* и *тиін* «белка»; туркм. *айтты* и *әйтти* «сказал»), так и внутри разных языков (ср. башк. *байрам*, татарск. *бәйрәм* «праздник»; башк. *айран*, татарск. *әйрән* «айран»; башк. *кәңәш*, чув. *канаш* «совет»; башк. *йәш*, кирг. *жаш* «молодой»; башк. *бәйләнеш*, казахск. *байланыс* «связь»; башк. *йөн*, татарск. *йон* «шерсть»; башк. *йә-бештерәү*, татарск. *ябыштыру* «клеить»²; чув. *хёрлә*, татарск. *кызыл* «красный»; чув. *хёсёр*, узб. *қисир* «яловая»; чув. *җемҗе*, татарск. *йомшак* «мягкий», чув. *чёрне*, туркм. *дырнак* «ноготь»; чув. *алак*, башк. *ишек* «дверь»; чув. *кәнтәр*, татарск. *көндөз* «днем»³; тур. *jeşil*, казахск. *жасыл* «зеленый»; туркм. *өкчә*, якут. *огуз* «бык»), или же являются фактом диахронического порядка [например, *пиймак* «созревать» (Тiš., 50а), *пийиҕ* «вареное» (МК, III, 321), ср. татарск. *пешерелгән* «вареный»; *тилҕ* «язык» (вин. пад.) (КВ, 93), ср. татарск. *телгә* «языку»; *уаук* «кольцо» («Сирәдж ул-кулуб», 1126), ср. *үзүк* (там же, 356), узб. *узук*; *итлҕ* «собачий» (МК, I, 98), ср. татарск. *этлек* «наглость»; *иш* «дело», (USp., словарь-указатель, 305), *ишкә* (там же, 14) и т. д.]

Ср. в монгольском языке, например, монг.-письм. *ᠶᠢ* ~ *ᠶᠢᠯᠢᠭ* «прядильное веретено», *bičixan*//*bičiken* «маленький», *busuruᠴ*//*büsürüg* «красноватая сыпь», *moritaxu*//*mörilekü* «отправляться», *čangkir*//*čengkir* «беловатый, синевато-беловатый» и т. д.⁴

Неустойчивость звукового состава в слове является чертой, присущей в той или иной мере всем современным тюркским языкам. В древности она была характерна для большого количества слов; возможно, что некоторые слова, различающиеся в современных тюркских языках типом сингармонизма (мягкостью или твердостью; значительно реже — наличием лабиализованных и нелабиализованных гласных)⁵, обязаны своим существованием, с чисто формальной стороны, именно этой неустойчивости.

Нет необходимости доказывать, что неустойчивость качества гласных в смысле мягкости или твердости находится в прямой зависимости от возможности перехода слова по характеру его вокализма от одного ряда к другому (т. е. от твердого ряда к мягкому; обратный переход чрезвычайно редок).

Указанный переход давно интересовал тюркологов и, по мнению В. Банга, представляет самое запутанное явление во всей языковой ис-

¹ Д. Г. Киекбаев, указ. соч., стр. 143.

² Там же, стр. 144. См. также П. К. Дмитриев, Чередование гласных заднего и переднего ряда в одном и том же корне отдельных тюркских языков, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I — Фонетика, М., 1955, стр. 115.

³ См. В. Г. Егоров, указ. соч., стр. 168, 169.

⁴ См. Б. Я. Владимиров, Сравнительная грамматика..., стр. 127, 128.

⁵ Примеры слов этого рода см.: Л. Н. Харитонов, Современный якутский язык, ч. I — Фонетика и морфология, Якутск, 1947, стр. 80; Н. А. Баскаков, Уйгурский вокализм, в кн.: «Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков», ч. I, стр. 119—121.

тории тюрк¹. В. В. Радлов сравнивает его с немецким умлаутом и объясняет как результат воздействия вокализма на первых слогах на вокализм начальной части слова². Аналогичное объяснение указанному явлению в современных уйгурских наречиях Восточного Туркестана дает Г. Ярринг, отмечающий, что все случаи палатализации или сужения в них широких гласных связаны с наличием в смежных или, точнее, последующих слогах гласного *i(i)*³. В односложных словах палатализация *a*, как полагает Б. Мункачи, объясняется наличием алаутного *j*, например, *jäl* (< *jal*) «грива», *jäh* (< *jaü*) «возраст», *jäh* (< *jaü*) «слеза», *jät* (< *jam*) «чужой»⁴. Такого же мнения по вопросу о палатализации *y* и *a* в койбальском языке придерживается Л. Адам⁵.

И точка зрения В. В. Радлова, и точка зрения Б. Мункачи представляются нам вполне справедливыми. Нетрудно согласиться с тем, что воздействие *i* (< *i*) и *j* на качество гласных и согласных звуков в слове чрезвычайно велико. Неслучайно звук *i* (< *i*) многими исследователями финно-угорских и алтайских языков ставится вне сингармонизма и характеризуется как разрушитель его системы.

К этому необходимо добавить следующее. Тот факт, что переход гласных от одного ряда к другому почти во всех случаях происходит в виде превращения слов с твердым вокализмом в слова с мягкими, или палатальными гласными (но не наоборот)⁶, свидетельствует о связи рассматриваемого нами перехода с общей эволюцией звуков. Все звуки тюркских языков на протяжении большого периода времени эволюционировали в направлении опереднения артикуляции. Естественно, что в наибольшей мере и раньше всех оказался подверженным этому процессу гласный *i*. Поэтому возможность образования «мягкой» разновидности слова при параллельном употреблении его в «твердом» варианте или замене им «твердого» варианта является не только следствием влияния *i* или *j*, но и результатом соответствующего развития фонетической системы тюркских языков в целом.

Появление «мягкого» варианта не обязательно ведет к исчезновению «твердого». «Твердый» вариант может существовать и обычно существует наравне с «мягким»⁷. Большое количество примеров такого сосущество-

¹ W. Bang, Zum Vokalismus, в кн.: W. Bang und J. Marquart, Osttürkische Dialektstudien, Berlin, 1914, стр. 6. Большое количество примеров такого перехода можно встретить, например, в «Codex Comanicus»: *kiädän* (< *kjädän*) «от девочки», *jünä* (< *jana*) «еще», *čibugi* (< *čibugi*) «его прут», *äminä* (< *amäna*) «к его лошади» (см. е г о ж е, Der komanische Marienpsalter nebst seiner Quelle, там же).

² W. Radloff, Phonetik der nördlichen Türkischen Sprachen (Vergl. Grammatik der nördlichen Türkischen Sprachen, Teil I), Leipzig, 1882, стр. 64, п. 82.

³ См. G. Jarriug, Studien zu einer osttürkischen Lautlehre, Lund — Leipzig, 1933, стр. 90—94.

⁴ См. «Keleti szemle», t. XV, Budapest, 1914—1915, стр. 324.

⁵ L. Adam, De l'harmonie des voyelles dans les langues ouralo-altaïques, Paris, 1874, стр. 50—51.

⁶ Ср. у Д. Г. Клекбаева: «Первичной формой сингармонических параллелизмов (или вариантов слов) являются формы с гласными заднего ряда. Вариант с гласными переднего ряда является вторичным образованием...» (указ. соч., стр. 149).

⁷ В этой связи заслуживает особого внимания вопрос о некоторых особенностях тюркского вокализма, например, о строгом делении гласных на два ряда: твердый (*a*, *o*, *y*, *ä*) и мягкий (*ä*, *ö*, *ü*, *i*); о соотношении в праоснове «твердости» и «мягкости» гласных (т. е. вопрос о первичности более задней или более передней артикуляции). Уже сейчас есть основания предполагать, что различению твердых и мягких гласных в древности предшествовало различение всех согласных по мягкости и твердости (ср. *p* и *p'*, *t* и *t'*, *k* и *k'*, *l* и *l'* и т. д.), которое нашло свое наиболее полное отражение в системе рунического письма и частично сохраняется в настоящее время. (См. G. J. Ramstedt, Die Palatalisation in den altaischen Sprachen, «Suomalaisen Tiedeakatemia Toimituksia», Ser. B. t. XXVII, Helsinki, 1932, стр. 247 и сл.).

вания приведено нами выше. Наличие двух фонетических вариантов одного и того же слова с одним и тем же значением создает почву для изыскания дополнительных возможностей выражения новых лексических и грамматических значений. Если, например, в башкирском языке *асы* и *эсе* не различаются по значению («горький»), то в татарском языке такое различие уже имеет место: *ачы* «горький», *эче* «кислый»¹. Таким образом, сингармонизм, будучи чисто фонетическим явлением (при возникновении вариантных слов противопоставление твердости и мягкости не имело фонологического значения), впоследствии приобретает видимость фонологической или лексико-фонологической системы.

Одним из доказательств того, что различие значений в плане сингармонии не связано с использованием ее как фонологической или лексико-фонологической системы, является характер тех значений, которые выражает обычно вариантная форма. Как правило, это оттенки основных значений. Важно отметить и другое. Если бы существование так называемой внутренней флексии было обусловлено использованием гармонии гласных как лексико-фонологической системы, были бы известны (и в большом количестве) примеры образования не только «мягких» вариантов параллельно «твердым», но и «твердых» параллельно «мягким»².

На основании всего изложенного выше можно прийти к выводу, что так называемая флексия основ в тюркских языках является следствием определенных фонетических закономерностей, не имеющих непосредственного отношения к образованию морфологического типа. Она носит характер эпизодического столкновения и противопоставления вариантных слов; эти процессы возникают в условиях тесных диалектных взаимоотношений, взаимовлияний родственных языков и т. д. Поэтому на самом деле «флексия основ» является, как справедливо замечает Н. А. Баскаков (имея в виду, правда, другие случаи), «ложной флексией»³, и противопоставлять ее как способ выражения грамматических значений агглютинации, по меньшей мере, ошибочно. Способ агглютинации следует признать единственным способом выражения грамматических значений как в древних, так и в современных тюркских языках⁴.

¹ См.: Д. Г. К и е к б а е в, указ. соч., стр. 145; Л. З. З а л я й, указ. соч., стр. 95.

² Некоторое количество таких примеров приводит М. Рясянен (см. М. R ä s ä n e n, *Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen* («Studia Orientalia», XV), Helsinki, 1949, стр. 57—59), однако большинство приведенных им примеров может быть отнесено как раз за счет образования «мягких» вариантов параллельно «твердым»; в некоторых же примерах наблюдается переход мягкого качества от гласных к согласным (ср. в караимском языке: *k'oz'um'da* < *közümdä* «в моих глазах», стр. 59), да и то, как отмечает М. Рясянен, это явление часто приписывают иноязычному влиянию.

³ См. Н. А. Б а с к а к о в, указ. соч., стр. 119.

⁴ Разумеется, мы не принимаем здесь во внимание такие приемы выражения грамматических значений, как, например, ударение, порядок слов и т. д.